

Научная статья
УДК 821.112
doi: 10.17223/19986645/96/8

Жанровая диффузия идиллии и элегии в высоком бидермейере (элегические идиллии А. Дросте-Хюльсхофф)

Елена Ивановна Зейферт^{1,2}

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

² *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
^{1,2} *elena_seifert@list.ru*

Аннотация. Целью статьи является осмысление роли идиллии высокого бидермейера с её устремлённостью к безмятежному в жанровой диффузии с её концептуальным «соперником» – элегией, нацеленной на передачу разочарования лирического героя, на материале лирики Аннетте Дросте-Хюльсхофф. Элегия высокого бидермейера стремится к диффузии с идущей к ней навстречу идиллией, не претендуя на первенство. Лирика А. Дросте-Хюльсхофф изобилует чистыми идиллиями и элегическими идиллиями, внутри которых идиллия берёт вверх над элегией. Ассимиляция идиллией элегии гармонизирует пессимизм последней.

Ключевые слова: высокий бидермейер, Аннетте Дросте-Хюльсхофф, идиллия, элегия, жанровая диффузия

Для цитирования: Зейферт Е.И. Жанровая диффузия идиллии и элегии в высоком бидермейере (элегические идиллии А. Дросте-Хюльсхофф) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 148–164. doi: 10.17223/19986645/96/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/96/8

Genre diffusion of idyll and elegy in high Biedermeier (elegiac idylls by Annette Droste-Hulshoff)

Elena I. Zeifert¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

² *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*
^{1,2} *elena_seifert@list.ru*

Abstract. The aim of the article is to understand the role of the high Biedermeier idyll with its aspiration to the serene in genre diffusion with its conceptual "rival" – the elegy, aimed at conveying the disappointment of the lyrical hero, based on the lyrics of Annette Droste-Hulshoff. A corpus of 18 elegiac idylls of the German poetess was selected, and her idylls and elegies were also studied. The analysis was carried out using the structural-descriptive method and sheds light on the following trends. The pure idyll of the high Biedermeier is fueled by an odic tonality. The high Biedermeier elegy strives for diffusion with the idyll moving towards it, without claiming primacy. The lyrics of Droste-Hulshoff abound in pure idylls and elegiac idylls, within which the idyll takes

precedence over the elegy. The assimilation of the elegy into the idyll harmonizes the pessimism of the latter. The high Biedermeier idyll overcomes the influence of the elegy, which usually causes the elegization of the genre adjacent to it, and in the diffusion with the elegy it acts as a leader. Interpenetrating, mixing, genres within their unity must fight for primacy, pushing the signs of a "rival" to the genre periphery; however, in Biedermeier, the resistance of the elegy to the idyll is weak because its constant (sad tonality) is softened. The idyll of Droste-Hulshoff sometimes mixes with other genres (prayer, ballad, fairy tale, etc.), not always suppressing them, but it is in interpenetration with the elegy, which is polar for it conceptually, that it shows its greatest strength. In diffusion with the poetic prayer, the high Biedermeier idyll is favorably mutually enriched. The German poetess does not shy away from the pure elegy, but softens its genre task of conveying sadness. If in the elegiac texts of the German Biedermeierist poetess a lyrical heroine often appears, then in the idyllic texts, on the one hand, an objective world is possible, emphasizing the presence of an impersonal outside observer; on the other hand, a lyrical subject is also often present, providing an image of a person in an idyll. The subject instead of a lyrical character is, on the one hand, a sign of the influence of the elegy on the idyll, on the other, a property that paradoxically enhances the reliability and serenity of the idyllic world ("I see this corner of nature like this"). The lyrical heroine also appears in the pure idylls of Droste-Hülshoff, perhaps under the influence of the elegiac idyll. The elegiac idyll of the high Biedermeierists, apparently, becomes a field not only for poetic experiments, but also for resolving socio-political contradictions.

Keywords: high Biedermeier, Annette Droste-Hulshoff, idyll, elegy, genre diffusion

For citation: Zeifert, E.I. (2025) Genre diffusion of idyll and elegy in high Biedermeier (elegiac idylls by Annette Droste-Hulshoff). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 148–164. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/8

Введение

Явление, обозначаемое термином «бидермейер (бидермайер)», изучается в литературоведении [1. Т. 1–3], искусствоведении [2], музыковедении [3]. Бидермейер проявляется в отдельных видах искусства в период после окончания наполеоновских войн (Венский конгресс, 1814–1815 гг.) до революционных событий во Франции, Италии, Германии и других странах Европы в 1848–1849 гг. Географический охват – Германия и Австрия, виды искусства – литература, живопись и музыка. В разновидности «высокий бидермейер» авторы уделяют большое внимание трогательной идилличности, религиозности, любви к искусству [4. С. 55].

Представители высокого бидермейера, к примеру Анnette Дросте-Хюльсхофф (1797–1848)¹ и Эдуард Мёрике (1804–1875), проявляют настойчивое внимание к жанру идиллии. Этот жанр задерживается в их поэзии

---

¹ Удивительно, что Анnette Дросте-Хюльсхофф (1797–1848), которую называют фрау Бидермейер (5. С. 15), достигает сознательного возраста и уходит из жизни соответственно вместе с рождением (Венский конгресс) и уходом (революционные события 1848–1849 гг.) самого бидермейера.

даже в то время, когда практически уходит из жанрового поля всей лирики. В названии стихотворного эпоса Э. Мёрике 1946 г. упоминается слово «идиллия» («Idylle vom Bodensee oder Fischer Martin und die Glockendiebe: in 7 Gesängen») («Идиллия Боденского озера или рыбак Мартин и похитители колоколов») [6]. Элегические стихотворения также находятся в поле внимания Дросте-Хюльсхофф и Мёрике. По сделанному нами предварительному анализу, в лирике Мёрике преобладают идиллии («Idylle» («Идиллия»), «Wald-Idylle» («Лесная идиллия»), «Der Knabe und das Immelein» («Мальчик и ягнёнок»), «Nimmerfatte Liebe» («Ненасытная любовь»), «Der Gärtner» («Садовник»)), но встречаются и стихотворения с элегическими мотивами («Erinnerung» («Воспоминание»), «Das verlassene Mägdlein» («Брошенная девушка») и др.) [7]. В увидевшей свет в 1844 г. книге стихов А. Дросте-Хюльсхофф, судя по названиям и предварительному анализу, немало идиллических стихотворений («Der Weiher» («Пруд»), «Kinder am Ufer», «Wasser» («Вода»)). Однако и стихотворениям с элегическими названиями здесь находится место: «Die tote Lerche» («Мёртвый жаворонок»), «Abschied von der Jugend» («Прощание с молодостью»), «Unruhe» («Непокой») и др. [8]. Показательно также приписанное А. Дросте-Хюльсхофф абсолютно идиллическое, ликующее стихотворение «Der Frühling ist die schönste Zeit!» («Весна – самое прекрасное время!»). Интерес к идиллии и элегии у обоих бидермейеристов (так в своих предыдущих исследованиях я предлагаю называть представителей бидермейера и авторов, чья поэтика окрашена бидермейером) несомненен. У этих поэтов встречаются и другие жанры и жанровые формы (песни, послания, баллады, сказки и др.), которые мы вынуждены оставить за рамками настоящей статьи.

Целью исследования является осмысление роли идиллии высокого бидермейера с её устремлённостью к безмятежному в диффузии с её концептуальным «соперником» – элегией, нацеленной на передачу разочарования лирического героя, на материале лирики Аннетте Дросте-Хюльсхофф. Анализ жанровой диффузии идиллии и элегии немецкой поэтессы, проделанный с опорой на структурно-описательный метод, предпринимается впервые, что обуславливает научную новизну. Стоит учесть, что элегия бидермейера в сравнении с романтической элегией с её тотальной «мировой скорбью» может иметь не столь тяжёлое по тональности жанровое задание, но в любом случае передавать грусть и разуверение элегического героя. Е. Иванова разводит понятия «романтизм» и «бидермейер», сетуя, что в представлении литературоведения романтизм нередко перекрывает собой более обширное явление, внутри которого и веймарский классицизм, и, в частности, бидермейер, обращённый к бюргерскому кругу. Уставший к 1820-м гг. романтизм в эпоху реставрации разряжается с помощью бидермейера. По мнению Е. Ивановой, учёные рассматривали бидермейер либо как «полную противоположность романтизму (Г. Понгс, Г. Киндерманн)», либо как «новый вариант романтизма (П. Клукхон, Хобсбом, М.И. Бент)» [9. С. 121]. Именно немецкое бюргерство (аудитория бидермейера) вызывало неприятие у йенских романтиков. Но романтизм – многослойное явление, йенский,

гейдельбергский и поздний романтизм отличаются друг от друга. У позднего романтизма, по утверждению исследовательницы, есть сходство с бидермейером, берущим истоки в XVIII в., в желании примирить контрасты, увидеть мир с разных точек зрения, сделать идеалы более достижимыми [9].

Идиллия и элегия

Возродившись в Западной Европе в эпоху Ренессанса в русле общей ренессансизации античных жанров и форм, идиллия продолжает жизнь, получая наиболее широкое распространение в XVII–XVIII вв., в частности, преломляясь через идею «естественного человека» (Жан-Жак Руссо). Идиллика осваивается не только в поэзии, но и в прозе: возникают собственно идиллии в прозе («Идиллии» Соломона Геснера); идиллические мотивы – идеализация патриархального уклада, антитеза природы и цивилизации без обострения социальной проблематики – проникают в поэму («Луиза» Иоганна Фосса, «Герман и Доротея» Иоганна Вольфганга Гёте) и роман («Поль и Виргиния» Бернарден де Сен-Пьера). В дальнейшем идиллия удачно воплощается в сентиментальной и романтической поэзии.

Идиллия при этом является одним из наиболее влиятельных истоков высокого бидермейера. Бидермейер, который считали эпохой [1], направлением (течением) [10, 11], субтипом культуры [3], в его разновидности «высокий бидермейер» на старте можно трактовать и принципиально ново – как необычный виток в судьбе жанра идиллии и идиллического модуса художественности, инерцию канонического жанра идиллии, его разрастание, диффузию с другими жанрами и облучающее влияние на лирические, эпические и драматические жанры. Высокий бидермейер не просто использует жанр идиллии в поэзии, но и изначально совокупностью признаков совпадает с ним.

И элегия, и идиллия – канонические жанры. Каноническими считаются жанры, структуры которых восходят к определённым «вечным» образцам. Произведения неканонических жанров не строятся с ориентацией на готовые, жёстко унаследованные образцы художественного целого [12. С. 361–408]. Реципиенту не нужно воспроизводить «внутреннюю меру» на основе ряда элегических или идиллических образцов, восприятие этих жанров очень устойчиво.

Оба жанра хорошо и глубоко изучены, литературоведение располагает целым рядом работ по элегии и идиллии [13, 14]. Элегия – единственный лирический жанр, жизни которого посвящена монография – «Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова» Л. Фризмана [15]. В монографии В. Вацура «Лирика пушкинской поры. “Элегическая школа”» [16] представлен глубокий анализ элегического жанра в поэзии первой трети XIX в. Этот же автор написал монографическую статью об идиллии [17]. Немецкая идиллия первой трети XIX в. подготовлена идиллией XVIII в. [18]. Идиллия характеризуется, в частности, мотивами безмятежности, оптимистическим решением лирического сюжета, опорой на миф как «сплетение наших душевных процессов» (А. Потенция), идиллическими

стилевыми клише, статикой образов, ограниченным локусом уголка природы, художественным временем «утро» или «жаркий полдень», отсутствием социальной проблематики, изображением человека. Пессимистическая концовка лирического сюжета, страдающий и рефлекслирующий элегический герой, мотивы грусти, разочарования, устремлённость в прошедшее, в котором зародилось страдание, расширение художественного пространства, элегические клише – одни из признаков жанра элегии.

Жанровая диффузия

Проблему жанровой диффузии в лирике по разным научным поводам в разное время ставили С. Матяш и её ученики (Г. Бралина [19] и др.), В. Аминова [20] и её ученики (А. Хабибуллина [22] и др.). Элегия – влиятельный участник жанровых диффузий. Так, А. Хабибуллина говорит об элегизации романса в татарской лирике. С помощью категории элегического модуса художественности исследовательница показывает лидерство элегии в диффузии с романсом. Элегия – «старший жанр» (Ю. Тынянов) – оказала существенное влияние на другие лирические формы в русской поэзии. «Данное положение, – пишет А. Хабибуллина, – получило достаточное обоснование в теоретических исследованиях, в частности, об элегизации русской лирики рассуждали С. Сендерович, Л.Н. Лейдерман, В.И. Козлов, О.В. Зырянов, Е.И. Зейферт, А.А. Боровская. Согласно взглядам С. Сендеровича, «элегия всё же находится в центре системы лирических жанров: подавляющее большинство жанров оказываются смежными, граничащими с ней в том смысле, что испытывают её влияние, позволяют ей вторгнуться в свою территорию и, таким образом, размещаются вокруг неё» [22. С. 83]. Итак, влиятельность элегии – в литературоведении факт известный, поведение элегии в жанровой диффузии часто доминантно.

В своей книге «Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии: романтический отрывок» в разделе «Отрывок и элегия: диффузия жанров» детализированно анализирую взаимопроникновение жанров элегии и отрывка [23. С. 212–232], в ходе которого выявляю сходство и отличие этих жанров и их роль во взаимопроникновении. В 1820-е гг., как отмечает Л. Фризман, эстетической мыслью было выдвинуто требование мотивировать элегическую скорбь [15. С. 73]. Выполнение этого требования разрушило бы элегию как жанр, и она передала новое жанровое задание отрывку. В немецкой и австрийской поэзии, кроме активного жанра отрывка, присутствует ещё более активная идиллия бидермейера, успешно приглашающая элегию на свою территорию.

Уточним терминологию. Собственно жанровая диффузия, при которой взаимопроникновение жанров равноценно, не допускает заметного перевеса в сторону того или иного жанра. В контексте изучения жанровой диффузии можно выделить такие типы произведений, как:

- 1) чистые жанры;
- 2) жанры, использующие отдельные признаки других жанров;

3) участники жанровой диффузии, т.е. равноправного жанрового взаимопроникновения;

4) участники жанровой диффузии, в которой лидерство берёт один из смешанных в ней жанров.

Актуален термин «ассимиляция одного жанра другим в диффузном образовании», т.е. «захват власти» одним жанром при взаимопроникновении. Внутри второго типа, после использования одним жанром одного или нескольких признаков другого, может произойти перераспределение жанровых признаков, перерождение жанра в другой и развитие второго типа в третий или даже четвёртый.

Диффузия идиллии и элегии высокого бидермейера явственно отражает национальную и общественно-политическую специфику Германии и Австрии эпохи бидермейера – уход от социальных проблем вплоть до эскапизма и одновременно осознание этих проблем. В монографическом исследовании жанровых процессов в поэзии российских немцев второй половины XX–XXI в. (потомков германских эмигрантов в Россию) [24] я уделяю пристальное внимание жанровой диффузии. Наиболее активно элегия влияет на песню, наделяя её своим печальным настроением. В этом исследовании рассматриваю и прямое и антонимичное отражение этнической картины мира российских немцев в жанрах элегии и идиллии. Такие черты идиллии, как безмятежная тональность, мотивы с семантикой покоя, локальность художественного пространства, пейзажные элементы, отсутствие социальной проблематики, коррелируют с осознанием окружённости своего чужим, бытованием внутри другого, генетическим страхом перед изгнанием как признаками этнической картины российских немцев. Идиллические признаки «художественное время “жаркий полдень”», условность образов, гекзаметр/гекзаметроподобность стиха, доминирующая графическая слитность текста или форма диалога, зрительные и контурные образы в российско-немецкой идиллии пассивны. Она игнорирует и безличного «наблюдателя» со стороны, предпочитая лирическое «я», чтобы усилить семантику покоя. Элегия преломляет национальные интенции российских немцев следующим образом: мотивы с семантикой грусти, разочарования, страдающий лирический герой отражают генетический страх перед изгнанием, состояние постоянной уязвимости, болезненное ощущение «нигде на родине»/«везде на родине», обострённое отношение законного отношения к родному этносу, в то время как элегические текучесть образов, устремлённость к прошлому, 5-стопный ямб/элегический дистих, графическая слитность текста не активны. Не константен и пессимистический финал лирического сюжета, дисгармонирующий с надеждой как с одним из ключевых национальных понятий российских немцев и поэтому не воспринятый ими. В перспективе, опираясь на это исследование, интересно проследить зависимость идиллии и элегии высокого бидермейера и продукта их диффузии от социально-политических условий того времени. Уже сейчас понятно, что жанровое задание идиллии совпадает с устремлениями высокого бидермейера, по всей очевидности, укрепляя его, а посыл элегии полярно расходится с ним, тем самым

ослабляется сама элегия. Устремлённость бидермейеристов к идиллии и элегии обусловлена общественно-политической подоплёкой.

Если у российских немцев второй половины XX – начала XXI в. и идиллия, и элегия амбивалентны, то канонические романтические идиллия и элегия отражают полярное мировосприятие – соответственно идиллическое (безмятежное) и элегическое (грустное). При этом элегия как ультраромантический жанр, подчёркивающий «мировую скорбь» романтизма, в жанровой диффузии с идиллией оказывается сильнее своего безмятежного «соперника». Бидермейер, как было отмечено выше, смягчает тяжёлую разочарованность элегического героя, но не нейтрализует её. Активность элегии снижается, но не исчезает.

Идиллия и элегия в лирике Аннетте Дросте-Хюльсхофф

У А. Дросте-Хюльсхофф большой ряд чистых идиллий. Идиллическими мотивами насыщено стихотворение А. Дросте-Хюльсхофф «Der Weiher» («Пруд»): здесь пруд, берег («des Ufers Blume»/«цветок берега»), прибрежный камыш, сияние солнца, стрекозы. Образы окрашены предельно безмятежным, ласкающим отношением поэта-бидермейериста: «Er liegt so still im Morgenlicht, / So friedlich wie ein fromm Gewissen»¹ («Он лежит так тихо в утреннем свете, так мирно, как благочестивая совесть»²). «Цветок берега» не касается пруда, стрекозы трепещут над ним, водяной паук танцует свой танец, веночек ирисов слушает на берегу колыбельную камыша. Любование безличного стороннего наблюдателя с замороженным взглядом сгущается в финале до эмоционального всплеска:

Ein lindes Säuseln kommt und geht,
Als flüstr' es: Friede! Friede! Friede! [25. S. 51].

Нежный шёпот приходит и уходит,
Как будто шептал: Покой! Покой! Покой!

Мотив покоя («Friede») и его контекстуальные синонимы встречаются практически в каждой идиллии А. Дросте-Хюльсхофф.

Это стихотворение входит в лирический цикл из пяти стихотворений («Der Weiher» («Пруд»), «Das Schiff» («Корабль»), «Die Linde» («Липа»), «Die Wasserfäden» («Водяные нити»), «Kinder am Ufer» («Дети на берегу»)), являющихся чистыми идиллиями. Этот цикл представляет собой совершенно уникальное явление: пять идиллий облучают друг друга предельно безмятежными мотивами тишины, нежной стрекозы, золотой ткани, листы, новорождённой рыбки в пруду, зеркала пруда, волн, милой водной феи, ветвей, гнезд, гостеприимной липы с пологом из листьев, солнца, детей. Все пять идиллий обладают оптимистическим финалом лирического сюжета, и

¹ Здесь и далее цитируется по [8].

² Здесь и далее перевод мой. – Е.З.

при восприятии цикла в целом с каждым новым положительным исходом у читателя укрепляется ощущение радости и безмятежности.

Чистой идиллией является и стихотворение Дросте-Хюльсхофф «Wasser» («Вода»). Оно характеризуется набором пейзажных идиллических мотивов (солнце, берег, вода, небо, ветви, птицы, лодка, горы, поля, рощи и др.). Изображается благодатная тишина:

Alles still ringsum –
Die Zweige ruhen, die Vögel sind stumm [25. S. 84].

Всё тихо вокруг –
ветви отдыхают, птицы молчат.

В близком религиозному экстазе лирическая героиня восклицает, обращаясь к воде:

Schlürf ich dein geläutert Gut,
Und du wirst mein eignes Blut,
Liebe Welle, heilige Flut! [25. S. 84].

Я пью твоё очищенное благо,
И ты будешь моей собственной кровью,
Милая волна, священный потоп!

Религиозное благоговение перед миром – один из важнейших признаков идиллии высокого бидермейера. Нередко она тяготеет к слиянию с жанром молитвы, как в стихотворении А. Дросте-Хюльсхофф «Am Gründonnerstage» («В Чистый четверг»), в котором присутствует прямое обращение к Богу, Христу (монолог, обращённый к Господу), описана ситуация моления, передано преодоление стыда, страданий, залечивание горящих ран в благочестии человека, «эхо дыхания» Христа в молящемся.

Обратим внимание, что идиллия всегда изображает человека, и Аннете Дросте-Хюльсхофф следует этой традиции, не только показывая внутренние ощущения лирической героини, но и по жанровой традиции показывает лирических персонажей – детей, пастуха, влюблённых.

У немецкой поэтессы-бидермейеристки есть идиллии, использующие лишь некоторые признаки элегии. Таково стихотворение «Im Grase» («В траве»), написанное четырьмя восьмистишиями. Сгущение идиллических мотивов в начале стихотворения (описаны сладкий покой, отдых на траве, смех, «голос любви») переходит, начиная со сравнения «как липовый цвет на могиле», в элегические (мертвецы, закрытые ресницы, мёртвая любовь, мёртвая страсть, мёртвое время, все сокровища погребены под развалинами, мимолётные часы), но уже с третьей строфы, начиная со сравнения мимолётных часов с поцелуем луча, песней перелётной птицы, развёрнутого сравнения со вспышкой ослепительного жука, быстро и уверенно возвращается к идиллическому модусу художественности до самого финала. Интересен двойной переход от одного

жанра к другому через троп. Лирическая героиня в последней строке стихотворения мечтает о счастье для каждого человека.

Интересно сопоставить чистую идиллию «Die Lerche» («Жаворонок») и элегическую идиллию «Die tote Lerche» («Мёртвый жаворонок») А. Дросте-Хюльсхофф. Жаворонок, звонкая птица зари, является темой для ряда идиллических и идиллически-песенных стихотворений. Наиболее известен из них «Жаворонок» В. Жуковского. В идиллии «Die Lerche» немецкая поэтесса с наслаждением живописует утреннее явление певчей птицы в окружении ликующих явлений природы. Все встречают солнце. Дросте-Хюльсхофф сравнивает светило с «юной принцессой» («junge Fürstin»), а затем «королевой» («die Königin»). Монаршую особу приветствует целый ряд растений и животных, но главный из них – жаворонок. Он герольд, глашатай, который призывает всех восхищаться ею и служить ей. Именно жаворонок пробуждает светило, приглашает его явиться миру, сопровождает его. Мотивное поле стихотворения включает в себя три основные группы элементов – описание наступления утра, описание солнца, в том числе воображаемой свиты солнца как монархини, и собственно описание жаворонка. Эти группы мотивов переплетены между собой: с помощью игры значений слова «нота» в изображении природы включен «мандат» («wirbelnd des Mandates erste Note» / «крутя первую ноту мандата»), ива с её белым цветением представлена пудрящейся фрейлиной («Die kleine Weide pudert sich geschwind»), жаворонок – «вестник дня» в ливрее, на которую похожи его перья. Всё нарастающее лирическое напряжение стихотворения разряжается в финале изображением восхода, жаворонок умолкает. Насыщенный цвет, упругий контур, звонкий звук, запах «канифоли росы», ароматное эльфийское платье принцессы, сотканное пауком и осыпанное жемчугом росы, движение солнца, с трудом выходящего «из чрева земного» – произведение воздействует на все органы чувств реципиента. В стихотворении есть заявленный в первой строке лирический адресат: «Hörst du der Nacht gespornten Wächter nicht?» («Слышишь ли ты стража ночи?»), но местоименно не выражен лирический субъект. Поэтесса передаёт идиллическое настроение через предметный мир. В этом нередко проявляется особенность идиллического мира немецкой поэтессы-бидермейеристки. Если в её элегических текстах часто проявляет себя лирическая героиня, то в идиллических возможен некий безличный сторонний наблюдатель (в предметном мире), хотя, впрочем, нередко вводится и лирический субъект, чтобы обеспечить свойственное идиллии изображение человека. Последнее – элегически-идиллический приём: в элегии обычно присутствует страдающий субъект, а в идиллии – безмятежные лирические персонажи.

Идиллическая и одическая эстетическая тональность взаимодействуют в этом произведении. Сама ситуация монаршего величия солнца в окружении восхищённой свиты – одическая. Лексическая ткань содержит многочисленные идиллические («Die Wasserlilie sieht ein wenig bleich, / Erschrocken, daß im Bade sie betroffen; Wie steht der Zitterhalm verschämt und zage!» («Кувшинка выглядит немного бледной, / Испугалась, что её застали при купании,

/ Как стыдлив и робок её стебель») и одические («Du <...> / Zwergweide du mit deiner Seidenfahne») («Ты <...> / Затмевашь карликовую иву своим шёлковым флагом»), «Und reicht dem West ihr Seidentüchlein lind, / Daß zu der Hoheit Händen er es trage» («И передаёт её шёлковый платочек Западу, / Чтобы тот передал в руки Её Высочества»), «Prinz von Geblüte, hat die erste Stätte / Er, immer dienend an der Fürstin Bette» («Принц по крови занимает первое место, / Он, всегда служивший принцессе Бетте»)) мотивы. Величественный пятистопный ямб, сверхдлинная строка (как имитация идиллического гекзаметра), внушительный объём произведения (84 строки), начальный вопрос, восклицания (их шесть), разделение пропуском строки 11 разновеликих композиционных частей вызывают явственные одические ассоциации. Описание пейзажа как райского уголка (ограниченный локус), наличие безличного внешнего наблюдателя (кто-то передаёт своё отношение, кто-то обращается к адресату), отсутствие социальных проблем, статика зрительных и пластичных образов (яркие, контурные лирические персонажи замерли и сконцентрировались в одном месте в ожидании солнца) характеризуют эту идиллию А. Дросте-Хюльсхофф.

Иное распределение жанровых признаков в стихотворении «Die tote Lerche», состоящем из четырех восьмистиший, написанных четырехстопным ямбом. Строфическое членение здесь благоприятствует жанровой диффузии. В первой строфе показан идиллический локус жаворонка – ограниченный уголок природы («Ich stand an deines Landes Grenzen, / an deinem grünen Saatenwald») «Я стояла у границ твоей страны, у твоего зелёного плодородного леса»). Художественное время здесь тоже идиллическое – рассвет, потом жаркий полдень («молодой день»). Жаворонок описан идиллически-одически:

dein Lied war wie ein Blütenregen,
dein Flügelschlag wie ein Gedicht. [25. S. 51].

твоя песня была, как цветочный дождь,
полёт твоего крыла, как стихотворение.

Элегический признак в первой строфе – только прошедшее время. Лирическая героиня и жаворонок описаны с помощью параллелизма. Если в первой строфе жаворонок рванул к солнцу, как комар на свет («wie eine Mücke nach dem Licht»), то во второй строфе лирическая героиня шатается, как пьяная, как комар, бросившийся на свет. И это состояние человека становится предчувствием гибели жаворонка. Третья строфа и большая часть четвертой, последней, строфы посвящены описанию мёртвого жаворонка в его недостроенном гнезде. Однако завершается стихотворение неожиданным идиллическим восклицанием:

und nah nur, nah bei meinem Neste,
in meiner stillen Heimat nur! [25. S. 51].

и это только близко от моего гнезда,
только на моей тихой родине!

Концовку произведения можно воспринимать как противопоставление трагическому лирическому событию: у лирической героини есть свой безмятежный уголок. Хотя рядом с этим идиллическим локусом случилось непоправимое несчастье, умерла певчая птица, это место бережно и тепло защищает лирическую героиню. Финал влияет на тип эстетического завершения. В элегической идиллии Дросте-Хюльсхофф (а здесь именно идиллия главенствует, несмотря на обилие элегической ткани) концовка лирического сюжета определяет жанровый статус текста, сгущая идиллический модус.

Предлагаю называть продукт подобной диффузии элегическими идиллиями, потому что именно идиллия побеждает в этом взаимопроникновении. Это участники жанровой диффузии, в которой лидерство берёт один из смешанных в ней жанров, а именно идиллия.

В элегической идиллии «*Letzte Worte*» («Последние слова») хронотоп расширен до бесконечности и вечности. Вечер, ночь типичны для медитативной элегии (ангельские крылья ночами навевают покой на мир, лирическая героиня шлет привет со звёзд), а не для идиллии. Но в посмертии лирическая героиня обретает идиллическое время пребывания: «здесь сияет вечный день». Она просит любимого не горевать по ней, потому что находится в идиллическом блаженстве, дарованном верой в Бога.

Стихотворение «*Im Moose*» («Во мху») демонстрирует, как сквозь элегическую ткань победителем выходит идиллия, являя оптимистический финал лирической композиции. Лирическая героиня в сумерках лежит во мху под тёмными ветвями на утомлённой солнцем земле. Грёзы, полные элегической грусти, являют прошлое, настоящее и будущее. В прошлом лирический субъект видит ставшие давно чужими лица, настоящее встает волной, а в будущем возникает образ сгорбленной маленькой старушки. Перепел будит рефлексирующую женщину от её грёз-страданий, и она понимает, что избежала очевидной смерти. Загорается огонёк светильника, который лирическая героиня принесла с собой в элегические сумерки из идиллического дома. Лирический субъект А. Дросте-Хюльсхофф здесь отличается способностью изображать себя, свои внутренние переживания, лирическая героиня становится темой для самой себя – в этом влияние на идиллию элегии.

Уже начало элегической идиллии «*Die Bank*» («Скамья») развёрнуто изображает идиллический мотив скамейки в парке, на которой много времени проводит лирическая героиня. Как «терпеливый мученик верности» внутренним зрением она наблюдает элегических и идиллических лирических персонажей с их любовью, бытийностью, радостью и горем.

Элегическая идиллия «*Unter der Linde*» («Под липами») – удивительное чередование типичных идиллических и элегических элементов и затем их слияние. Стихотворение начинается с изображения светлого утреннего пейзажа: сладко поют птицы, радуется взгляд цветов, лирическую героиню, сидящую в грёзах под липами, умиляет маленький медвежонок, вокруг летают бабочки, стрекозы. Рядом с этим райским уголком растёт старый бук с «мрачной зеленью», среди его ветвей примерно треть большие. Пейзаж раздвоился, как «лицо Януса». Лирическая героиня вспомнила своего друга, и

ей показалось, что тот, с «детским лицом», смотрит в могилу. Усиливается грустная тональность. Казалось, уже ничего не может вернуть сопереживающего человека к безмятежности. Но лирического субъекта будят от тяжёлых грёз звуки колокольчиков для скота (атрибут классической идиллии), пастух гонит стадо вниз по склону. Постепенно чередование элегических и идиллических образов в стихотворении сливается в их гибридность: на шапке старого больного бука светит майское солнце.

Из 18 проанализированных элегических идиллий А. Дросте-Хюльсхофф во всех стихотворениях присутствуют идиллическая эстетическая тональность и идиллические мотивы, и в первую очередь пейзажные. Так, 91,2% стихотворений характеризуются отсутствием социальной проблематики и оптимистическим решением лирического сюжета (в 8,8% – нейтральным). В 88,6% стихотворений присутствует ограниченный локус (в остальных случаях под влиянием элегии происходит расширение художественного пространства), в 61,1% под влиянием элегии – лирическая героиня. Написаны сверхдлинной ямбической строкой, выступающей в качестве подобия гекзаметра, 74,7%. элегических идиллий А. Дросте-Хюльсхофф. В её элегических идиллиях обнаруживаются пастушеские мотивы, образы взаимно влюблённых, детей.

В других её стихотворениях, в редких случаях даже с интонацией инвективы, социальная проблематика имеет важное значение. Поэтесса поднимает тему патриотизма («Ungastlich oder nicht?» («Гостеприимная или нет?»)), ставит антиклерикальные («Der Stadt und der Dom» («Город и собор»)) и гендерные вопросы («An die Schriftstellerinnen in Deutschland und Frankreich» («Писательницам в Германии и Франции»)). Она не избегает тем политики, войны, общества, а, наоборот, стремится к ним. Однако в жанре идиллии, в том числе элегической, эти темы у немецкой поэтессы нейтрализуются.

Неверно считать, что бидермейер чуждается чистой элегии. Сугубо элегические стихотворения встречаются и у Аннетте Дросте-Хюльсхофф. Так, чистая элегия «Das öde Haus» («Пустой дом») характеризуется рядом элегических черт. Это и элегическая лирическая героиня, рефлексирующая и страдающая при виде распада, одиночества, смерти, и элегические клише («дом сгнил», «похоронен», «мёртвый человек», «тяжёлый», «худой», «разрушенная беседка», «тёмный», «больной», «сосновый гроб»), и пессимистический финал лирического сюжета. Идиллические образы в этом стихотворении намеренно разрушены: стрекоза без головы, нарцисс выглядит больным, в очаге зола и плесень и др. Чистым элегиям высокого бидермейера свойственно типичное для этого жанра обращение к прошедшему времени как этапу возникновения страдания и разрушения.

«Abschied von der Jugend» («Прощание с молодостью») – это элегия, использующая лишь некоторые признаки идиллии, не доходящая до полноценной жанровой диффузии с ней. Робкая попытка светлого финала лирического сюжета («с благословения Бога может разлиться река, / Может ожить росток во влажном комочке земли»), хотя и при условном наклонении

глаголов и условиях долженствования, показательны. Идиллия здесь безуспешно «пробирается» сквозь череду элегических мотивов («дрожащий изгнанник», «унылый, сломленный странник», «могилы мертвецов», «грехи», «скудное имущество», «чужая страна», «слеза», «похороненные надежды» и др.) Расширение художественного пространства возникает под влиянием элегии.

Удивительно, что стихотворение с элегическим названием «Unruhe» («Непокой») собственно элегией не является. Это идиллия лишь с отдельными элегическими мотивами. Непокой представлен здесь мотивами нетерпения сердца лирической героини, устремившейся к тревожным мечтаниям на «сыром пляже». Но она принимает решение вернуться к родному очагу, понимая, что именно там есть всё для творчества. Катрен-рефрен с этим решением поэтесса повторяет дважды, в середине и финале произведения.

Идиллические элементы у А. Дросте-Хюльсхофф редко проникают в балладу, как это происходит в стихотворении «Der Heidemann» («Человек равнины»), в котором изображается балладный персонаж – Человек равнины. Он опасен для детей, им не стоит одним гулять, а то и покидать дом, нельзя ложиться на траву. Стихотворение, написанное шести- и пятистишиями, остаётся балладой на протяжении всего текста. Идиллические мотивы защиты детей в надёжном локусе уютного дома противоречат здесь опасным пейзажным элементам. В другом стихотворении «Der Schloßelf» («Эльф замка») в стержень сказочной баллады вплетаются как идиллические, так и элегические мотивы, создавая гибридное жанровое образование с равенством всех трёх жанров.

Выводы

Проделанный анализ лирики Аннетте Дросте-Хюльсхофф проливает свет на следующие тенденции.

1. Чистая идиллия высокого бидермейера подпитывается одической тоналностью.

2. Элегия высокого бидермейера стремится к диффузии с идущей к ней навстречу идиллией, не претендуя на первенство.

3. Лирика А. Дросте-Хюльсхофф изобилует чистыми идиллиями и элегическими идиллиями, внутри которых идиллия берёт вверх над элегией. Ассимиляция идиллией элегии гармонизирует пессимизм последней.

4. Идиллия высокого бидермейера преодолевает влияние элегии, обычно вызывающую элегизацию смежного с ней жанра, и в диффузии с элегией выступает лидером. Взаимопроникая, смешиваясь, жанры внутри своего единства должны бороться за первенство, оттесняя признаки «соперника» на жанровую периферию, однако в бидермейере сопротивление элегии идиллии слабое, потому что её константа (грустная тональность) смягчена.

5. Идиллия А. Дросте-Хюльсхофф порой смешивается и с другими жанрами (молитвой, балладой, сказкой и др.), далеко не всегда подавляя их, но именно во взаимопроникновении с полярной для неё по концепции элегией проявляет свою наибольшую силу.

6. В диффузии со стихотворной молитвой идиллия высокого бидермейера благоприятно взаимно обогащается.

7. Поэтесса не чуждается чистой элегии, но смягчает её жанровое задание передачи грусти.

8. Если в элегических текстах немецкой поэтессы-бидермейеристки зачастую фигурирует лирическая героиня, то в идиллических, с одной стороны, возможен предметный мир, подчёркивающий присутствие безличного стороннего наблюдателя, с другой, нередок и лирический субъект, обеспечивающий изображение человека в идиллии. Субъект вместо лирического персонажа, с одной стороны, признак влияния элегии на идиллию, с другой – свойство, парадоксальным образом усиливающее надёжность, безмятежность идиллического мира («я вижу этот уголок природы так»). Лирическая героиня появляется и в чистых идиллиях Дросте-Хюльсхофф, возможно, под влиянием элегической идиллии.

9. «Швы» между жанрами внутри элегической идиллии могут быть невидимыми или показаны, как продемонстрировано на примерах, с помощью эстетической тональности, строфы, тропов и др.

Элегическая идиллия высоких бидермейеристов, по всей очевидности, становится полем не только для поэтических экспериментов, но и для решения социально-политических противоречий.

Список источников

1. *Sengle F.* Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848 : In 3 Bd. Stuttgart : Metzler, 1980.
2. *Geismeyer W.* Biedermeier. Leipzig : E.A. Seeman Verlag, 1979. 378 S.
3. *Романова Л.В.* Венский бидермейер и альбом из Гавриловки. Дискуссия // Журнал научных публикаций. 2011. № 7 (2015). С. 49–54.
4. *Иванова Е.Р.* Традиции литературы «высокого» бидермейера в лирике Й.В. Шеффеля // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 1. С. 55–60.
5. *Kalthoff-Ptikar C.* Annete von Droste-Hülshoff im Kontext ihrer Zeit. Fr. a. M., 1988. 104 S.
6. *Mörrike E.* Idylle vom Bodensee oder Fischer Martin und die Glockendiebe : in 7 Gesängen. Stuttgart : Schweizerbart, 1846. 156 S.
7. *Mörrike E.* Gedichte. Stuttgart, 1838. 236 S.
8. *Droste-Hülshoff A.* Gedichte. Stuttgart, 1844. 238 S.
9. *Иванова Е.Р.* Романтизм и бидермейер в немецкой литературе XIX века // Преподаватель – XXI век. 2007. № 2. С. 118–125.
10. *Лошакова Г.А.* Художественная проза бидермейера в Австрии: жанры и поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2014. 426 с.
11. *Полубояринова Л.Н.* Литература эпохи Реставрации (Германия). Высокий бидермейер. «Предмартовская литература». Литература эпохи Реставрации (Австрия). Швейцария: основные тенденции развития литературы в XIX веке // История зарубежной литературы XIX века : учебник / отв. ред. Е.М. Апенко. М. : Проспект, 2001. С. 45–74, 373–380, 405–411.
12. Жанр // Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М. : Академия, 2004. С. 361–408.

13. Сенчина Л.Т. Жанровая эволюция идиллии (на материале русской поэзии XVIII – первой половины XIX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1990. 25 с.
14. Зырянов О.В. Жанровая модель элегии и элегический модус художественности // Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003. С. 101–123.
15. Фрицман Л.Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М. : Наука, 1983. 168 с.
16. Вацууро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб. : Наука, 1994. 240 с.
17. Вацууро В.Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм : сб. ст. / под ред. К.Н. Григорьяна. Л. : Наука 1978. С. 118–138.
18. Анисимова А.Н. Генезис и развитие жанра идиллии в Германии первой половины XVIII в. (от И.Х. Готшпеда до М. Мендельсона) // Научный диалог. 2017. Вып. 2. С. 101–114.
19. Бралина Г.М. Жанр инвективы в русской лирике середины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 254 с.
20. Аминова В.Р. Хикая как литературный жанр // Учёные записки Казанского университета. 2017. Т. 159, кн. 1. С. 7–26.
21. Аминова В.Р., Нагуманова Э.Ф., Хабибуллина А.З. Сонет в инонациональной рецепции татарских поэтов и переводчиков 1950–1980-х гг. // Имагология и компаративистика: научно-практический журнал. 2023. № 20. С. 124–144.
22. Хабибуллина А.З. Элегический модус художественности и романс как категории сопоставительной поэтики русской и татарской литературы // *Philologos*. 2023. Вып. 3 (58). С. 81–87.
23. Зейферт Е.И. Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии. Романтический отрывок : учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2014. С. 212–232.
24. Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. Ларе : BMV Verlag Robert Burau, 2009. 534 с.
25. *Droste-Hülshoff A. Gedichte*. Stuttgart, 1844. 250 S.

References

1. Sengle, F. (1980) *Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848*. Vols 1–3. Stuttgart: Metzler.
2. Geismeyer, W. (1979) *Biedermeier*. Leipzig: E.A. Seeman Verlag.
3. Romanova, L.V. (2011) Venskiy bidermeyer i al'bom iz Gavrilovki. Diskussiia [Viennese Biedermeier and the Album from Gavrilovka. Discussion]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy*. 7 (2015). pp. 49–54.
4. Ivanova, E.R. (2009) Traditsii literatury "vysokogo" bidermeyera v lirike Y.V. Sheffelya [Traditions of the literature of the "High" Biedermeier in the lyrics of J.V. Scheffel]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1. pp. 55–60.
5. Kalthoff-Ptikar, C. (1988) *Annete von Droste-Hülshoff im Kontext ihrer Zeit*. Frankfurt am Main: [s.n.].
6. Mörike, E. (1846) *Idylle vom Bodensee oder Fischer Martin und die Glockendiebe*. Stuttgart: Sshweizerbart.
7. Mörike, E. (1838) *Gedichte*. Stuttgart: [s.n.].
8. Droste-Hülshoff, A. (1844) *Gedichte*. Stuttgart: [s.n.].
9. Ivanova, E.R. (2007) Romantizm i bidermeyer v nemetskoj literature XIX veka [Romanticism and Biedermeier in German literature of the 19th century]. *Prepodavatel' – XXI vek*. 2. pp. 118–125.
10. Loshakova, G.A. (2014) *Khudozhestvennaya proza bidermeyera v Avstrii: zhanry i poetika* [Biedermeier fiction in Austria: genres and poetics]. Philology Dr. Diss. Nizhniy Novgorod.

11. Apenko, E.M. (ed.) (2001) *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX veka* [History of Foreign Literature of the 19th Century]. Moscow: Prospekt. pp. 45–74, 373–380, 405–411.
12. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2004) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 1. Moscow: Akademiya. pp. 361–408.
13. Senchina, L.T. (1990) *Zhanrovaya evolyutsiya idillii (na materiale russkoy poezii XVIII – pervoy poloviny XIX veka)* [Genre evolution of the idyll (based on Russian poetry of the 18th – first half of the 19th century)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tbilisi.
14. Zyryanov, O.V. (2003) *Evolyutsiya zhanrovogo soznaniya russkoy liriki: fenomenologicheskii aspekt* [Evolution of Genre Consciousness of Russian Lyrics: Phenomenological aspect]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 101–123.
15. Frizman, L.G. (1983) *Zhizn' liricheskogo zhanra. Russkaya elegiya ot Sumarokova do Nekrasova* [Life of the Lyric Genre. Russian elegy from Sumarokov to Nekrasov]. Moscow: Nauka.
16. Vatsuro, V.E. (1994) *Lirika pushkinskoy pory. "Elegicheskaya shkola"* [Lyrics of Pushkin's Era. "Elegiac School"]. Saint Petersburg: Nauka.
17. Vatsuro, V.E. (1978) *Russkaya idilliya v epokhu romantizma* [Russian idyll in the age of Romanticism]. In: Grigor'yan, K.N. (ed.) *Russkiy romantizm* [Russian Romanticism]. Leningrad: Nauka. pp. 118–138.
18. Anisimova, A.N. (2017) *Genezis i razvitie zhanra idillii v Germanii pervoy poloviny XVIII v. (ot I.Kh. Gotsheda do M. Mendel'sona)* [Genesis and development of the idyll genre in Germany in the first half of the 18th century (from J.H. Gottsched to M. Mendelssohn)]. *Nauchnyy dialog*. 2. pp. 101–114.
19. Bralina, G.M. (2008) *Zhanr invektivy v russkoy lirike serediny XIX veka* [The genre of invective in Russian lyrics of the mid-19th century]. Philology Cand. Diss. Samara.
20. Amineva, V.R. (2017) *Khikaya kak literaturnyy zhanr* [Hikaya as a Literary Genre]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 1 (159). pp. 7–26.
21. Amineva, V.R., Nagumanova, E.F. & Khabibullina, A.Z. (2023) The sonnet in the reception of the Tatar poets and translators in the 1950s – 1980s. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 20. pp. 124–144. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/20/7
22. Khabibullina, A.Z. (2023) *Elegicheskii modus khudozhestvennosti i romans kak kategorii sopolstavitel'noy poetiki russkoy i tatarskoy literatur* [Elegiac mode of artistry and romance as categories of comparative poetics of Russian and Tatar literatures]. *Filologos*. 3 (58). pp. 81–87.
23. Zeyfert, E.I. (2014) *Neizvestnyye zhanry "zolotogo veka" russkoy poezii. Romanticheskii otryvok* [Unknown Genres of the "Golden Age" of Russian Poetry. Romantic excerpt]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 212–232.
24. Zeyfert, E.I. (2009) *Zhanr i etnicheskaya kartina mira v poezii rossiyskikh nemtsev vtoroy poloviny XX – nachala XXI v.* [Genre and Ethnic Picture of the World in the Poetry of Russian Germans of the Second Half of the 20th – Early 21st Centuries]. Lage: BMV Verlag Robert Bureau.
25. Droste-Hülshoff, A. (1844) *Gedichte*. Stuttgart: [s.n.].

Информация об авторе:

Зейферт Е.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: elena_seifert@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.I. Zeifert, Dr. Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena_seifert@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 21.07.2025.*

*Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 21.07.2025.*